

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.14>

UDC 351.741
LBC 63.3(2)6-3

Submitted: 01.10.2023
Accepted: 29.01.2023

**CRIMINAL INVESTIGATION WORK
OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES IN 1917–1927
(BASED ON THE MATERIALS OF THE CENTRAL CHERNOZEM REGION)**

Evgeniy A. Zverkov

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the daily activities of the Soviet Criminal Investigation Department and the problems of organizational and technical difficulties at the stage of the formation of the service. The work reflects the service features in which it was necessary to serve, the level of use of scientific and technical means. *Methods and materials.* The research is based on the historical and systematic method, with the help of which the complex of professional duties of search agents was considered. Using the historical and genetic method, the changes in the daily activities of the service are considered. During the preparation of the study, archival materials were used, which are stored in the State Archive of the Russian Federation, the State Archive of the Tambov Region, the State Archive of Socio-Political History of the Tambov Region, the State Archive of the Voronezh Region, and the State Archive of the Lipetsk Region. *Analysis.* In the early years of Soviet power, criminal investigation units occupied an autonomous position in the internal affairs bodies, engaged in the identification and disclosure of a wide variety of crimes, from banditry to moonshine. Mainly serious and especially serious crimes were dealt with. *Results.* Several key problems can be identified in the activities of the search: low material security, a small number and unpreparedness of the staff, limited opportunities for the use of scientific methods of work, and insufficiently developed mechanisms for delineating the powers of the police and the search.

Key words: police, criminal investigation, banditry, crime, Voronezh, Kursk, Lipetsk, Orel, Tambov.

Citation. Zverkov E.A. Criminal Investigation Work of the Internal Affairs Bodies in 1917–1927 (Based on the Materials of the Central Chernozem Region). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 1, pp. 163-175. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.14>

УДК 351.741
ББК 63.3(2)6-3

Дата поступления статьи: 01.10.2023
Дата принятия статьи: 29.01.2023

**УГОЛОВНО-РОЗЫСКНАЯ РАБОТА
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В 1917–1927 ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)**

Евгений Андреевич Зверков

Воронежский институт МВД России, г. Воронеж, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена повседневной деятельности советского уголовного розыска и проблемам организационно-технических сложностей на этапе становления службы. В работе отражены служебные особенности и условия, в которых приходилось нести службу, уровень применения научно-технических средств. *Методы и материалы.* В основе исследования лежит историко-системный метод, с помощью которого рассматривался комплекс профессиональных обязанностей агентов розыска. С помощью историко-генетического метода изучены изменения в повседневной деятельности службы. В ходе подготовки исследования были использованы архивные материалы, находящиеся на хранении в Государственном архиве Российской Федерации, Государственном архиве Тамбовской области, Государственном архиве социально-политической истории Тамбовской области, Государственном архиве Воронежской области, Государственном архиве Липецкой области и др. *Анализ.* В первые годы советской власти подразделения уголовного розыска занимали автономное положение в органах внутренних дел, занимаясь выявлением и раскрытием самых разнообразных преступлений: от бандитизма до самогоноварения. Преимущественно разбирались тяжкие и особо тяжкие преступления. *Результаты.* В деятельности розыска можно выделить несколько ключевых проблем: низкая материальная обеспеченность, малочисленность и неподготовленность штата, ограниченные возможности применения научных методов работы, недостаточно проработанные механизмы разграничения полномочий милиции и розыска.

Ключевые слова: милиция, уголовный розыск, бандитизм, преступность, Воронеж, Курск, Липецк, Орел, Тамбов.

Цитирование. Зверков Е. А. Уголовно-розыскная работа органов внутренних дел в 1917–1927 гг. (по материалам Центрального Черноземья) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 163–175. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.14>

Введение. Уголовный сыск, а впоследствии – розыск, всегда занимал особое положение в системе органов внутренних дел, так как касался дел высокой категории сложности. Раскрытие таких дел нередко было сопряжено с опасностью для жизни и здоровья сыщика, требовало высокой квалификации, опыта и личного мужества. В 1917 г. в связи с разгромом полиции были потеряны ценные кадры, частью уничтожена, частью разгромлена материальная база, снизился общий уровень эффективности. Автор стремится проследить процессы восстановления и деятельности розыска на территории Центрального Черноземья, условно включившего в себя Воронежскую, Курскую, Орловскую и Тамбовскую губернии.

Методы и материалы. В ходе подготовки работы использовалась деловая переписка органов милиции и уголовного розыска, статистические ведомости, отчеты должностных лиц. Историко-системный метод позволил проанализировать возможности государства в сфере противодействия преступности в первые годы советской власти, а историко-генетический – постепенное изменение условий осуществления уголовно-розыскной деятельности, совершенствование ее рабочего инструментария. И советская, и российская историография достаточно скупо обошлись с уголовным ро-

зыском. Вплоть до начала 1970-х гг. исключительное внимание историков уделялось в первую очередь органам государственной безопасности, рассматриваемым как один из проводников и гарантов большевистских мероприятий. Меньшее, хотя и видное, место занимали исследования, посвященные судебной системе, что было связано с необходимостью дополнительного теоретического обоснования марксистской философии на фактическом материале отечественной судебной системы. Что же касается милиции, а тем более уголовного розыска, то работы на данную тематику имели преимущественно либо публицистическую форму, либо историко-правового исследования.

В современной исторической науке монографические исследования истории уголовного розыска по-прежнему являются «дефицитным продуктом». Аналогичная ситуация имеет место и на региональном уровне. В частности, применительно к нашему исследованию можно выделить два историко-публицистических труда, подготовленных при участии бывшего сотрудника органов внутренних дел А.Л. Зеленина [4; 5]. В остальных случаях уголовный розыск как самостоятельный объект исследования не выделяется. Вместе с тем можно отметить некоторые диссерта-

ционные работы, посвященные уголовному розыску отдельных регионов [28], а также публикации в научных журналах и сборниках конференций [1]. Работа уголовного розыска Центрального Черноземья рассматривается в трудах историков эпизодично и преимущественно в контексте деятельности милиции, в том числе в трудах автора этой работы. Преимущественно это диссертационные исследования, часть из которых впоследствии переведена в формат монографий. В частности, эффективно решается проблема государственного регулирования и социального обеспечения милиции. Так, Д.А. Ерин пришел к следующему выводу: «Практика сокращения милицейского аппарата в период 1921–1923 гг. и перевод финансирования милиции на счет местных бюджетов привели к тому, что органы милиции на местах не могли полностью обеспечить выполнение своей основной функции – борьбу с преступностью и охрану общественного порядка» [6, с. 142]. И.В. Токмаков исследовал проблему организационного становления органов милиции на протяжении 1920-х годов [33]. В труде Д.В. Верютина рассмотрена деятельность Наркомата внутренних дел СССР в годы Великой Отечественной войны [3]. П.М. Ельчанинов комплексно, системно подошел к исследованию советской преступности периода новой экономической политики (нэп) [7]. Эпизодично работа милиции рассмотрена в диссертационном исследовании В.В. Максимовой [11].

Анализ. Революции и безапелляционно-резкий подход оторванных от реальности управленцев-любителей к формированию органов внутренних дел сказались на уголовном розыске наиболее болезненно в сравнении с другими правоохранительными структурами. Осенью 1917 г. сыскная работа и противодействие организованной преступности фактически остановились. По словам начальника Тамбовского губернского отделения уголовного розыска К.Н. Николаева, к декабрю 1917 г. служба находилась в полностью разрушенном состоянии, «оставшиеся... четверо сотрудников были разоружены, а город Тамбов, как гигантский котел, кипел от наезжих со всех сторон и местных бандитов, производивших свои преступные операции с поражающей дерзостью... Разбойничьи нападения, вооруженные грабежи, убийства и кражи не поддава-

лись учету... Никто не был гарантирован за целостность своего... имущества и своей жизни» [16, л. 47]. Опасаясь за свою жизнь и разочаровываясь в работе, люди уходили. Вооружение шло исключительно за счет оружия, «отобранного от бандитов». Как и всюду в правоохранительной сфере, остро стояла проблема материального обеспечения. «До смешного мало мы стоили Народной казне», – писал Николаев с иронией и сожалением. Впрочем, учитывая общую социально-экономическую и политическую обстановку в государстве, ничего удивительного в этом свидетельстве нет. То же Тамбовское отделение имело фотоаппарат и, по бумагам, даже дактилоскопический отдел, располагало несколькими велосипедами и мотоциклами, лошадьми. «Парк» по большей части был конфискован у бандитов [16, л. 47–48]. В Тамбовской губернии за 1918–1919 гг. были организованы отделения розыска в Козлове, Борисоглебске, Моршанске. В Липецке уголовно-розыскной отдел подотдела милиции работал уже в октябре 1918 г. [9, л. 70]. В Курске стабильная работа розыска началась только в конце декабря 1919 г. [30, л. 122].

Исходя из ограниченности штата, ресурсов и оружия, при ликвидации бандгрупп приходилось действовать за счет личной дерзости и мужества агентов, стремясь не столько взять банду целиком, сколько уничтожить или арестовать ее лидеров. Розыск вполне устраивала ситуация выдавливания преступников за пределы губернии – например, из Тамбова в Саратов: «...почти каждый приезжий гастролер задерживается при вступлении в город и тут же высылается обратно восвояси, с советом никогда не показываться и заказать об этом товарищам» [16, л. 48]. В Орле отчаявшийся начальник городской милиции весной 1918 г. отдал приказ о незамедлительном расстреле бандитов и грабителей, «пойманных на месте преступления» [35, с. 123]. На протяжении 1919–1920 гг. о ликвидации на месте преступников, предпринимавших попытки к бегству, сообщали из Курской губернии [12, л. 46].

Службе требовалось решить целый комплекс проблем: приобрести навыки оперативной работы, освоить научные методы деятельности, достичь оптимальных организационных форм. Так, в 1918 г. в Тамбове было

зарегистрировано по способу Бертильона 335 мужчин и 96 женщин, сделано 4 690 снимков [16, л. 49]. Приказом уголовного розыска республики от 11 января 1923 г. отмечались массовые нарушения правил хранения вещественных доказательств. Например, вещдоки проходили мимо камер хранения, не заносились в соответствующие книги. Некоторые использовались для хозяйственных нужд розыска. Выдача вещей потерпевшим производилась без расписки в книге вещдоков, а под частные расписки [20, л. 1].

На протяжении рассматриваемого периода практически повсеместно наблюдались проблемы с организацией связи. Воронежский губрозыск даже к 1921 г. страдал от плохой связи с уездами. Тем не менее постепенно удалось наладить сеть осведомителей. Совершенствовалась методология. Например, действовала «карта пропавшего». Она включала в себя фамилию, имя, отчество, время исчезновения, время подачи заявления об исчезновении, место жительства и место исчезновения, рост, возраст, цвет глаз и волос, особые приметы, одежду, род занятий, список родственников, обстоятельства исчезновения, фотокарточку (при наличии), возможные причины исчезновения и сведения об исчезновении [32, л. 162, 162 об.].

Работа подвигом не заменяла обязательности профессионализма, который не мог быть выработан одномоментно. Например, руководство Курской губернской милиции сетовало в 1923 г. на недостаточную эффективность обысков и облав, их повальный характер [18, л. 454]. Даже в 1926 г. глава Воронежского губернского УГРО Тимашев признавал «бесшабашность» в действиях розыска: лишь около четверти обысков давали результат [27, л. 25].

Многое зависело от личных качеств сотрудника. Так, инспектор уголовного розыска Мусатов Даниил, помощник инспектора Георгий Егоров и агент 2-го разряда Василий Плискин, находясь в командировке в пределах Тамбовского, Кирсановского и Борисоглебского уездов зимой 1925 г., раскрыли два крупных преступления – ограбление и убийство семьи Поповых, выявили 10 участников банды, четверо из них были задержаны, главаря убили в перестрелке [21, л. 58]. Разыскивали не толь-

ко преступников, но и бывших политиков – например, беглых анархистов [14, л. 65].

Предпринятая в 1922 г. попытка сделать уголовный розыск полностью независимым от милиции в силу ограниченности ресурсов розыска провалилась. Вследствие частых смен руководства в ряде уездов работа розыска, как указано в одном из докладов начальнику милиции республики, «хромала на обе ноги» [2, л. 224]. Работа Павловского розыска на 90 % состояла из «самогонных дел». Начальник розыска Богучарского уезда «стремился уйти из милиции вследствие материальной необеспеченности». Дела представляли собой «бессистемный хлам» [2, л. 225]. Раскрываемость упала до 18–20 %. В 1925 г. руководители правоохранительных ведомств признавали, что текущий штат не может обслужить свои районы [34, л. 52]. Негативно на оперативно-следственной работе сказывался недостаток связи, приводивший к промедлениям в действиях и позволявший преступникам уходить от преследования. Начальники розыска ряда уездов жаловались на недостаточную квалификацию работников. Нельзя не отметить живую взаимосвязь, которую поддерживал со своими подчиненными начальник УР Воронежской губернии Тимашев. Например, в ноябре 1926 г. Тимашев порекомендовал начальнику Богучарской милиции усилить осведомительную сеть, а самому перестать «гоняться за бандитами по лесам» и ограничиться руководством из Богучара [15, л. 11, 12].

Розыск неоднократно жаловался на обширность территории районов, на которые приходилось выезжать личному составу, и необходимость выполнения доктрин о «приближениях активного состава к крестьянским массам». Эти поездки «оголяли» районы и вызывали застой в работе [24, л. 129]. При этом сроки сдачи материалов для агентов розыска, разумеется, никто не отменял. Развивая тему малочисленности штата и технических проблем службы, 23 июня 1925 г. Воронежский губрозыск направил записку в административный отдел губисполкома, предлагая поставить вопросы об организации питомника собак-ищеек, увеличении штата губрозыска, организации уголовно-розыскных отделений в Кантемировке, Уразово, Алексеевке и Калаче. Решение обозначенных проблем, ввиду со-

держания милиции и розыска на счет местных властей, на тот момент было невозможно. Для сравнения, в Курске к тому времени уже велась успешная работа по использованию собак в раскрытии преступлений, имелись специальные инструкции по применению служебных собак, их использованию на месте преступления [13, л. 8].

Специалистам розыска приходилось иметь дело и с малолетними преступниками, большая часть из которых, по оценкам агентов, являлась рецидивистами, владевшими профессиональным преступным жаргоном, преступной специализацией.

Основным методом работы являлись обыски и облавы, зачастую не дававшие эффекта. Велась активная работа с осведомителями, в том числе в рамках расследования хозяйственных и должностных преступлений [19, л. 65, 65 об.]. В Тамбовской губернии осведомители эффективно использовались при ликвидации банд [31, л. 17]. Обыск осуществлялся посредством оформления рапорта или на основании заявления потерпевшего, в котором указывался адрес и пропавшие вещи. Затем накладывалась резолюция начальника уголовного розыска и передавалась агенту как поручение. В процессе обыска обязательно присутствовали понятые и представитель от сельсовета или милиции. Очевидно, агенты розыска работали с азартом: временами прокуратура обвиняла агентов то в провокации фальшивомонетчиков для раскрытия преступлений [23, л. 4 об.], то в профилактических арестах хулиганов перед съездом Советов. Значительное место в системе ликвидации банд-групп занимали внедрения в банды. Например, в 1925 г. таким способом были раскрыты несколько крупных дел в Новохоперске. Секретные сотрудники внедрялись в банды под личную ответственность руководителя операции. Кроме того, устраивались засады-провокации, когда подставное лицо провозит крупные суммы денег [34, л. 24]. Все выезды для расследования деятельности банд сопровождалось высоким риском. К примеру, в сентябре 1925 г. в районе с. Коршево Бобровского уезда были ограблены проезжавшие бутурлиновские торговцы, 3 человека убиты, 6 ранены. 5 сентября для поиска грабителей в уезд были командированы два сотрудника губрозыска – Са-

мофалов и Ильченко. Очевидно, агентам удалось достаточно близко подойти к раскрытию преступления, поэтому занервничавшие преступники 8 сентября попытались убить Самофалова, обстреляв агента. Самофалову повезло: хотя выстрелом ему раздробило кость ноги, он сумел выжить и даже отбиться от нападавших, а полученные им сведения позволили раскрыть банду. По представлению начальника административного отдела агент был награжден 3-месячным окладом содержания [25, л. 156, 159].

Важным источником информации о состоянии уездных отделений розыска являются акты обследования. Например, как следует из акта обследования и инструктирования Новохоперского уголовного розыска, произведенного инспектором милиции административного отдела губисполкома Драчевым 24 октября 1924 г., штат Новохоперского розыска состоял из 7 человек в возрасте 23–30 лет, грамотных и достаточно подготовленных. Двое работников имели стаж 5 лет, двое – по 3 года, начальник розыска служил 2 года, дактилоскоп – 1 год. Ранее он окончил курсы при Воронежском губрозыске [10, л. 1]. Борьба с бандитизмом осуществлялась через осведомительный аппарат. Заявления от потерпевших принимались круглосуточно. Работа велась без возможности внедрения технических средств. Например, фотографирование (преступников, мест совершения преступлений) не осуществлялось из-за отсутствия фотоаппарата. После переложения в 1923 г. обязанности содержания милиции на плечи уездных властей именно от последних зависела материально-техническая обеспеченность. Вот и новохоперскому розыску постоянно приходилось выпрашивать деньги у местного исполкома, который таковых не давал, ссылаясь на бедность бюджета [25, л. 128 об.].

Кадрово-организационные сложности в работе розыска сохранялись на протяжении всего периода нэпа. Например, летом 1927 г. в ряде уездов Воронежской губернии (например, Бобровском, Острогожском), в местностях, где не было возможности в волости прикрепить агента розыска ввиду их малочисленности, функции агента исполнял старший милиционер, которому поручалось вести дознание по крупным преступлениям, вербовать

осведомителей, вести учет преступникам [17, л. 138]. В Новохоперском уезде розыску для самостоятельного обслуживания всех волостей пришлось увеличить нагрузку на агентов, возложив на одного агента обязанность обслуживать по две волости. В каждой волости помощник начальника волостной милиции вел исключительно важные материалы дознания и освобождался от остальной милицейской работы [17, л. 146].

Несколько лучше обстояло дело с дактилоскопированием. В качестве мер профилактики «откатке» пальцев подвергались обретающиеся на базарах воры-гастролеры, ширмачи, городушники. Дактилоскопическую регистрацию также проводили для прибывших из мест заключения на жительство. В Новохоперске в среднем за месяц процедуру проходили около 30 человек. Однако и дактилоскопия упиралась в дефицит бланков регистрации [25, л. 129, 129 об.].

Профилактическая работа осуществлялась путем наблюдения за преступниками. Например, в марте 1925 г. начальник Воронежского губрозыска Тимашев поручил произвести конспиративным путем через райинформаторов, начальника райволмилиции и Волисполком, согласовав с данными регистрационной части, переучет уголовного элемента из числа проходивших ранее по громке (кражи в опасной обстановке), скачкам (квартирные кражи) и ширмам (кражам с использованием подручных предметов) путем проверки старых списков и сопоставления их с новыми данными. При составлении новых списков рекомендовалось на каждое лицо делать по данным Регистрационной части краткую характеристику его уголовного прошлого, дополняя эти сведения агентурными данными о количестве судимостей и приводов, подозрении в совершении преступлений. Приказывалось составить списки скупщиков, приемщиков краденого и наиболее выявленных притонов, где находит себе приют преступно-уголовный бандитизм, увеличить количество обходов и число облав на притоны и другие места пребывания преступного элемента. Секретный аппарат устанавливал наблюдение за ранее судимыми лицами, в частности за грабежи, и имеющими материальные затруднения, изучая их образ жизни, знакомства. В «досье» на

преступника заносились сведения о его преступной профессии, татуировках, физических особенностях, кличке, сообщниках, брался образец почерка [25, л. 133].

Розыскная деятельность подразделялась на два вида: активный и письменный. Активный, в свою очередь, – на гласный и негласный. Гласный заключался в наведении справок о месте жительства, установлении факта проживания, нахождения на службе, времени и месте выбытия, опросе соседей, знакомых, родственников на предмет местонахождения. Негласный составлял получение сведений через секретные части уголовно-розыскных учреждений. Полученные сведения приобщались к розыскным требованиям. Пример гласного розыска – проверка и поиск скота на базарах и притонах, приемщиков краденого. Милиция производила только гласный розыск. Уголовный розыск – и гласный, и негласный. Письменный розыск включал объявление требований о розыске лиц, проверку задерживаемых по столу приводов путем розыскных листов, помещаемых в адресные столы, сличение данных адресных столов с подворными списками сельсоветов. Согласно циркуляру Управления УГРО республики от 10 августа 1923 г., перед подачей человека во всероссийский розыск следовало исчерпать все средства в масштабах губернии, в то время как с мест сразу перенаправляли соответствующие запросы суда. Неточные запросы приводили к необоснованным задержаниям, дубляжам, задержаниям по маловажным обвинениям, арестам уже после того, как дело окончено. Особенности сложности возникали с розыском лошадей – выписка о найденных животных чрезмерно много.

Из недостатков деятельности розыска можно отметить слабую работу с осведомителями и невозможность полного охвата территорий. В середине 1920-х гг. оставалась открытой с оперативной точки зрения граница Воронежской губернии с Курской и Орловской губерниями. К слову, текучесть личного состава при этом за второй квартал 1926 г. составила 16,6 % [26, л. 52]. В Задонском уголовном розыске агенты угощали осведомителей алкоголем. В силу нехватки материальных средств, из сумм на секретные расходы приобретали канцелярские принадлежности,

ремонтировались стулья. В Бобровском уезде осведомительная сеть по большей части использовалась для борьбы с конокрадами. Среди иных недостатков можно выделить мизерный уровень фотографирования мест преступлений, слабость ведения учета притонов. Раскрываемость дел в уезде составила 71 % [26, л. 53]. В Россоши, для сравнения, – 74 %, а текучесть личного состава – 49,8 %. Нехватку техники решали по-разному. К примеру, 2 января 1923 г. начальник отделения Елецкого уголовного розыска Дегтев в свободной форме на листке бумаги заключил «договор» с неким Кунце о производстве фотографирования преступников по указанию уголовного розыска по 2 снимка в 2 экземплярах по 5 рублей за человека общей численностью до 100 человек [22, л. 1].

Следующим вопросом, требовавшим своего урегулирования, были рабочие взаимоотношения между милицией в целом и розыском как ее структурной составляющей. Так, на совещании Комиссии административного отдела Воронежского губисполкома от 13 марта 1926 г. инспектор адм.отдела Карпов доложил, что губрозыск завален как сложными, так и обыденными делами, в результате чего нет времени на действительно важные дела. Это произошло вследствие сохранения недостаточной демаркации функций и полномочий между милицией и уголовным розыском. Было найдено следующее решение: учитывая штат губернского розыска и необходимость его сосредоточения на наиболее квалифицированных и серьезных преступлениях в черте Воронежа, в отделения милиции города передавалось дознание по составам преступлений, не требующих высокой квалификации лица, рассматривающего дела, например по составам преступлений, предусмотренных следующими статьями УК РСФСР: 79 (отказ от платежа налогов, от выполнения повинностей, имеющих общегосударственное значение), 80 (организованное сокрытие или неверное показание о количестве предметов, подлежащих обложению или учету), 81 (уклонение от воинской повинности), 95 (побег из под стражи или места заключения), 154 (неосторожное телесное повреждение) и т. д. Также в ведение розыска передавались преступления, связанные с содержанием публич-

ных домов (в формулировке УК – «притонов разврата») и вербовкой женщин для проституции. Милиция, в свою очередь, осуществляла дознание по фактам сопротивления граждан представителям власти при исполнении служебных обязанностей (ст. 86), публичном оскорблении представителей власти при исполнении (ст. 88), самоуправстве (ст. 103), незаконном изготовлении алкоголя (ст. 140), «а также о всех нарушениях революционного порядка и безопасности и благоустройства». В случае получения дежурным по отделению городской милиции сведений о преступлении, относящемся к производству розыском, он обязывался незамедлительно сообщить об этом в розыск, после чего самостоятельно прибыть на место происшествия, где принять меры по сохранению следов преступления и задержанию подозреваемых. В случае неприбытия инспектора или агента розыска дежурный самостоятельно приступал к оформлению и фиксации происшествия со всеми необходимыми процессуальными действиями, направляя материал в уголовный розыск [8, л. 17–18 об.].

Решение проблемы распределения обязанностей назревало давно. Еще осенью 1926 г. приказом врид начальника административного отдела Тимашева 28 ноября 1925 г. потребовал от милиции не вмешиваться в дела, подведомственные уголовному розыску. Это обосновывалось тем, что работники розыска обладали особыми знаниями и опытом, в то время как милиционеры, «имеющие слабое представление о технике розыска... сплошь и рядом делают непоправимые ошибки» в силу слабой квалификации [8, л. 21]. Место наружной милиции по отношению к органам розыска определялось в виде «технического аппарата по производству обысков, выемок, арестов, задержаний и хранения вещественных доказательств» [8, л. 22].

Начальники уездных розысков имели статус помощников начальника уездной милиции. Розыск занимал в системе ОВД автономное положение. Начальники розыска лишь по мере необходимости координировали действия с милицией, в остальном работа сотрудника розыска была известной только его начальнику. Более того, в середине 1920-х гг. агентам воронежского розыска рекомендовалось избегать непосредственного участия в

задержании преступников, осуществляя таковые лишь в исключительных случаях – при угрозах совершения преступления или бегстве подозреваемого, в остальных ситуациях производя задержания через работников милиции. Если преступник задерживался непосредственно агентом розыска, он передавал его милиции для доставления к месту заключения. Постовые, волостные милиционеры, участковые надзиратели, начальники отделений и районов обязывались передавать губернскому и уездному розыскам информационные сводки о притонах, игорных домах, замеченных случаях укрывательства и появлении подозрительных лиц [8, л. 23 об.]. Однако работа розыска была невозможна без связи с милицией, и этот контакт приводил к реальным результатам: в 1925 г. воронежские власти отметили успехи административного отдела в борьбе с отдельными видами преступности [29, с. 8].

Свою специфику имела оперативная работа в административных единицах, граничивших с другими губерниями / областями. Например, Новохоперский уезд граничил с Борисоглебским уездом Тамбовской губернии, Урюпинским округом Царицынской губернии, где уровень преступности, в частности бандитизма, имел значительно более высокий уровень. Это обуславливало необходимость агентов розыска периодически работать на этих территориях. Например, в 1925 г. новохоперцами в Борисоглебском уезде были взяты банды скотокрадов и фальшивомонетчиков [25, л. 138 об.]. Регулярно проходил обмен информационными сводками с Балашовым, Борисоглебском, Богучаром, Бобровым, Усматью, Урюпино, Бутурлиновкой и Лисками.

В наиболее сложных операциях по-прежнему принимало участие руководство. Так, М. Тимашев лично контролировал ход масштабной облавы в Лисках в ночь с 15 на 16 марта 1925 года. Район облавы охватил расположенные неподалеку от Лисок село Писковатку и хутор Старую Покровку «как места, насыщенные уголовным элементом», пассажирские поезда, станции [34, л. 54]. В момент ареста двое «уголовщиков», ограбивших кассу Лискинского Кожтреста, пытались бежать и были убиты. Облава была вызвана исключительно сложной ситуацией в этом населен-

ном пункте. Начальник губотдела ОГПУ Шевелев отмечал «наглость» уголовного бандитизма, проиллюстрировав свое утверждение фактом нападения бандитов на артельщиков в Лисках, хотя те находились под спецхраной [34, л. 56]. Несмотря на сложную ситуацию, Лиски не имели собственного розыскного аппарата, хотя как крупная узловая железнодорожная станция кишела гастролирующими преступниками, «кочевывшими» с московского, харьковского, балашовского и ростовского направлений. Отсутствие аппарата значительно снижало возможности оперативников, приезжавших сюда только в командировки и не имевших полного представления о текущей криминогенной среде поселка.

Неудачи в наведении порядка вызывали острое недовольство жителей Лисок, возмущенных частотой вооруженных налетов и ограблений. Секретным приказом по милиции Острогжского уезда период с 20 по 25 марта объявлен ударным, поэтому всем начальникам волостной милиции и начальнику УГРО Острогжского уезда приказывалось произвести переучет всего преступного элемента с точным и подробным указанием его преступных деяний, характеристики, судимости, рода занятий. В указанный список предполагалось внести ранее судимых лиц, пособников и укрывателей, содержателей притонов, самогонщиков-профессионалов, собирающих у себя всякого рода сборища. Рекомендовалось лиц, попадающих под ст. 75 гл. 5-й, 6-й, исключая ст. 190–199 и 222 (все задержанные подозрительные лица, не имеющие у себя документов) УК, высылать в отделение уголовного розыска для регистрации и дактилоскопирования, а на остальных лиц, совершивших уголовные преступления, составлять карточки; установить надзор за притонами и сборищами, за ранее судимыми лицами и кругом их знакомств; участить обходы и облавы притонов, задерживать подозрительных лиц, выяснять их личность. Особое внимание во время облав требовалось уделять гостиницам и заезжим постоялым дворам. О совершенных происшествиях и преступлениях следовало доносить рапортом начальнику розыска, указывая время и место совершения преступления в целях недопущения задержки подачи информации, фамилию, имя и отчество лиц

потерпевших и лиц обвиняемых или подозреваемых в совершении преступлений и то, откуда они происходят, характер данного преступления [34, л. 69].

Результаты. Работа уголовного розыска в первое десятилетие существования советской власти имела любительский характер, связанный с отсутствием необходимого количества обученных сотрудников. Начинаясь складываться система профессионального образования имела незначительные пропускные способности и не могла в должной мере решить имевшуюся проблему. Это повлияло и на сравнительно невысокий уровень раскрываемости, и на невысокую эффективность осуществляемых процессуальных и оперативных действий. Однако общее восстановление уголовно-розыскной работы после разгрома структуры в 1917–1918 гг. происходило достаточно быстро, хотя и тормозилось исключительно низким уровнем финансирования и материально-технического обеспечения. Успехи на различных направлениях борьбы с преступностью, особенно с бандитизмом, являлись следствием личного мужества и природных способностей работников, совершавших подвиги вопреки исключительно неблагоприятным условиям службы, ее второстепенности в структуре государственного механизма. Тем не менее в первое десятилетие существования советской милиции работники розыска сумели накопить значительный опыт работы, включая внедрение в банды, развитие кинологической службы, проведение облав и укрепление взаимодействия с другими правоохранительными службами в рамках ликвидации банд, проведение профилактической работы, включающей в себя контроль за поведением преступников и состоянием притонов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 100 лет Уголовному розыску России: история, современность, перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2018. 171 с.
2. Акты по обследованию деятельности управлений милиции Воронежской, Вятской, Курской, Московской, Нижегородской, Рязанской и Ставропольской губерний, Вотской, Марийской и Чувашской автономных областей, произведенных мест-

ными инспекторами // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-393. Оп. 23а. Д. 486. 259 л.

3. Верютин Д. В. Деятельность органов НКВД на территории Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2002. 147 с.

4. Воронежский уголовный розыск / [авт.-сост. А. Зеленин, Г. Шкурба, В. Марголин]. Воронеж: Истоки, 1998. 196 с.

5. Воронежская полиция. История и современность: документальные очерки / авт.-сост. А. Зеленин. Воронеж: Воронеж. обл. тип., 2021. 708 с.

6. Ерин Д. А. Особенности подготовки и принятия нормативно-правовых актов, регулирующих организацию и деятельность ведомственной милиции РСФСР в период 1923–1924 гг. // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. № 20 (115). Вып. 18. С. 142–148.

7. Ельчанинов П. М. Преступность в Советской провинции и борьба с ней в 1921–1928 гг. (на материалах Курской и Воронежской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2018. 236 с.

8. Директивные указания Губадмтдела Губпрокурора и др. по борьбе с преступностью, о порядке производства дознаний; приказы по Воронежской губернской рабоче-крестьянской милиции // Государственный архив Воронежской области. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 17. 72 л.

9. Доклад отдела охраны Липецкого совдепа, переписка с гражданами по гражданским и уголовным делам, список членов отдела охраны // Государственный архив Липецкой области. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 53. 101 л.

10. Документы о выдаче удостоверений о бедности / акты, заключения, удостоверения / за 1924/25 гг. // Государственный архив Воронежской области. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 99. 170 л.

11. Максимова В. В. Становление и деятельность правоохранительных органов советской провинции. 1917–1928 гг. (на примере Курской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2004. 166 с.

12. Материалы расследования по убийствам (рапорты, протоколы дознаний, заключительные постановления и др.) // Государственный архив Курской области. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 30. 184 л.

13. Материалы о работе питомника служебно-розыскных собак подотдела УГРО (выписки из приказов, акты, рапорты, письма и др.) // Государственный архив Курской области. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 199. 51 л.

14. О розыске скота и лиц // Государственный архив Липецкой области. Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 12. 101 л.

15. Переписка начальника губернского административного отдела с начальниками уездных милиций о работе милиции // Государственный архив Воронежской области. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 34. 74 л.

16. Переписка с народным комиссариатом внутренних дел РСФСР с Тамбовским губернским исполнительным комитетом и другими учреждениями об организации отделов при волостных исполнительных комитетах, о работе Тамбовского губернского отдела уголовного розыска и другим вопросам // Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 279. 52 л.

17. Переписка с уездными отделами милиции о проведении кампании по отбору претензий потерпевших от интервенции за 1924–1926 гг. // Государственный архив Воронежской области. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 120. 146 л.

18. Приказы губернских, областных и республиканских управлений милиции за 1923 г. II часть. Копии // Государственный архив Российской Федерации. Р-393. Оп. 23а. Д. 438. 777 л.

19. Приказы нач. милиции Усманского уезда по основной деятельности и личному составу за 1924–1925 гг. Копии // Государственный архив Воронежской области. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 36. 82 л.

20. Приказы начальника уголовного розыска РСФСР // Государственный архив Липецкой области. Ф. Р-72 Оп. 1. Д. 4. 32 л.

21. Приказы по административному отделу Тамбовского губисполкома о личном составе // Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-395. Оп. 2. Д. 27. 302 л.

22. Протокол объединенного совещания заведующего уездным отделом управления совместно с начальниками умилиции и угрозыска от 29.03.23, смета расходов отделения // Государственный архив Липецкой области. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 7. 61 л.

23. Протоколы губернских совещаний по борьбе с преступностью при Воронежском губпрокуроре // Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1979. 52 л.

24. Протоколы заседаний губернской распределительной комиссии о досрочном освобождении заключенных Коротоякского и Бобровского дома, заключения и документы к ним за 1925 год // Государственный архив Воронежской области. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 216. 216 л.

25. Протоколы заседаний губернской распределительной комиссии о зачете рабочих дней заключенным губернского, Богучарского, Коротоякского домов заключения и документы к ним за 1925 г. // Государственный архив Воронежской области. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 217. 197 л.

26. Протоколы квартальных совещаний работников административного отдела и начальников уездных милиций и материалы к ним // Государственный архив Воронежской области. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 25. 244 л.

27. Протоколы совещаний работников адм.дела, начальников милиции и уголовного розыска

// Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1576. 55 л.

28. Рассказов В. Л. Уголовный сыск на Кубани: вторая половина XIX в. – 1917 г.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. 27 с.

29. Сборник важнейших постановлений сессий, пленумов и президиума Воронежского Губернского исполнительного комитета XII созыва. Воронеж: Губисполком, 1925. 117 с.

30. Сведения об изменениях в личном составе губрозыска. Переписка с разными организациями по комплектованию УГРО // Государственный архив Курской области. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 27. 177 л.

31. Сводки губернского административного отдела о происшествиях в губернии. Анализ работы и борьбы органов милиции с преступностью // Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 3472. 332 л.

32. Сводки происшествий по г. Воронежу, переписка начальника Губрозыска с милицией, губпрокурором и др. по розыску граждан // Государственный архив Воронежской области. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 21. 424 л.

33. Токмаков И. В. Становление и деятельность органов советской милиции 1917–1930 годов: на материалах Центрального Черноземья: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2003. 195 с.

34. Циркуляры Центрального Административного Управления НКВД, Воронежского губадм.дела и протоколы объединенных совещаний представителей ОГПУ, Прокуратуры, Адм.дела и Губрозыска по борьбе с бандитизмом в губернии // Государственный архив Воронежской области. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 2. 170 л.

35. Щендригин Е. Н., Булыжкин А. В. Орловская милиция (1917–1928 гг.): историко-правовой очерк. Орел: Труд, 2003. 198 с.

REFERENCES

1. *100 let Ugolovnomu rozysku Rossii: istoriya, sovremennost, perspektivy: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [100 Years of the Criminal Investigation Department of Russia: History, Modernity, Prospects: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Saint Petersburg, 2018. 171 g.

2. *Akty po obsledovaniyu deyatelnosti upravlenij milicii Voronezhskoj, Vyatskoj, Kurskoj, Moskovskoj, Nizhegorodskoj, Ryazanskoj i Stavropolskoj gubernij, Votskoj, Marijskoj i Chuvashskoj avtonomnyh oblastej, proizvedennyh mestnymi inspektorami* [Acts on the Survey of the Activities of the Police Departments of Voronezh,

Vyatka, Kursk, Moscow, Nizhny Novgorod, Ryazan and Stavropol Provinces, Votsk, Mari and Chuvash Autonomous Regions, Made by Local Inspectors]. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation], f. R-393, inv. 23a, d. 486. 2591.

3. Veryutin D.V. *Deyatel'nost organov NKVD na territorii Central'nogo Chernozem'ya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: dis. ... kand. ist. nauk* [Activities of the NKVD in the Central Chernozem Region During the Great Patriotic War. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Kursk, 2002. 147 p.

4. *Voronezhskij ugolovnyj rozysk* [Voronezh Criminal Investigation Department]. Voronezh, Istoki Publ., 1998. 196 p.

5. Zelenin A., ed. *Voronezhskaya policiya. Istorija i sovremennost: dokumentalnye ocherki* [Voronezh Police. History and Modernity: Documentary Essays]. Voronezh, Voronezh. obl. tip., 2021. 708 p.

6. Erin D.A. *Osobennosti podgotovki i prinyatiya normativno-pravovyh aktov, reguliruyushchih organizaciyu i deyatelnost vedomstvennoj milicii RSFSR v period 1923–1924 gg.* [Features of the Preparation and Adoption of Normative Legal Acts Regulating the Organization and Activities of the Departmental Militia of the RSFSR in the Period 1923–1924]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*, 2011, no. 20 (115), vol. 18, pp. 142–148.

7. El'chaninov P.M. *Prestupnost v Sovetskoj provincii i borba s nej v 1921–1928 gg. (na materialah Kurskoj i Voronezhskoj gubernij): dis. ... kand. ist. nauk* [Crime in the Soviet Province and the Fight Against It in 1921–1928 (Based on Materials from Kursk and Voronezh Provinces). Cand. hist. sci. diss.]. Belgorod, 2018. 236 p.

8. *Direktivnye ukazaniya Gubadmotdela Gubprokurora i dr. po borbe s prestupnostyu, o poryadke proizvodstva doznaniy; prikazy po Voronezhskoj gubernskoj raboche-krestyanskoj milicii* [Directives of the Provincial Administrative Department of the Provincial Prosecutor and Others on Combating Crime, on the Procedure for Conducting Inquiries; Orders for the Voronezh Provincial Workers' and Peasants' Militia]. *Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti* [State Archive of the Voronezh Region], f. R-5, inv. 1, d. 17. 721.

9. *Doklad otdela ohrany Lipeckogo sovdepa, perepiska s grazhdanami po grazhdanskim i ugolovnym delam, spisok chlenov otdela ohrany* [Report of the Security Department of the Lipetsk State Department, Correspondence with Citizens on Civil and Criminal Cases, List of Members of the Security Department]. *Gosudarstvennyj arhiv Lipeckoj oblasti* [State Archive of the Lipetsk region], f. R-1, inv. 1, d. 53. 1011.

10. *Dokumenty o vydache udostoverenij o bednosti /akty, zaklyucheniya, udostovereniya/ za 1924/25 gg.* [Documents on the Issuance of Certificates of Poverty/Acts, Conclusions, Certificates/ for 1924/25]. *Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti* [State Archive of the Voronezh Region], f. R-5, inv. 2, d. 99. 1701.

11. Maksimova V.V. *Stanovlenie i deyatelnost pravoohranitel'nyh organov sovetskoj provincii. 1917–1928 gg. (na primere Kurskoj gubernii): dis. ... kand. ist. nauk* [Formation and Activity of Law Enforcement Agencies of the Soviet Province. 1917–1928 (On the Example of Kursk Province)]. Kursk, 2004. 166 p.

12. *Materialy rassledovaniya po ubijstvam (raporty, protokoly doznaniy, zaklyuchitelnye postanovleniya i dr.)* [Materials of the Murder Investigation (Reports, Minutes of Inquiries, Final Decisions, etc.)]. *Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti* [State Archive of the Kursk Region], f. R-9, inv. 1, d. 30. 1841.

13. *Materialy o rabote pitomnika sluzhebno-rozysknyh sobak podotdela UGRO (vypiski iz prikazov, akty, raporty, pisma i dr.)* [Materials on the Work of the Kennel of Service and Search Dogs of the UGRO Sub-Department (Extracts from Orders, Acts, Reports, Letters, etc.)]. *Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti* [State Archive of the Kursk Region], f. R-9, inv. 1, d. 199. 511.

14. *O rozyske skota i lic* [On the Search for Livestock and Persons]. *Gosudarstvennyj arhiv Lipeckoj oblasti* [State Archive of the Lipetsk Region], f. R-75, inv. 1, d. 12. 1011.

15. *Perepiska nachalnika gubernskogo administrativnogo otdela s nachalnikami uezdnyh milicij o rabote milicii* [Correspondence of the Head of the Provincial Administrative Department with the Heads of the County Militia About the Work of the Militia]. *Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti* [State Archive of the Voronezh Region], f. R-5, inv. 1, d. 34. 741.

16. *Perepiska s narodnym komissariatom vnutrennih del RSFSR s Tambovskim gubernskim ispolnitelnym komitetom i drugimi uchrezhdeniyami ob organizacii otdelov pri volostnyh ispolnitelnyh komitetah, o rabote Tambovskogo gubernskogo otdela ugolovnogo rozyska i drugim voprosam* [Correspondence with the People's Commissariat of Internal Affairs of the RSFSR with the Tambov Provincial Executive Committee and Other Institutions About the Organization Departments Under the Volost Executive Committees, on the Work of the Tambov Provincial Criminal Investigation Department and Other Issues]. *Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti* [State Archive of the Tambov Region], f. R-394, inv. 1, d. 279. 521.

17. Perepiska s uездnymi otdelami milicii o provedenii kampanii po otboru pretenzij poterpevshih ot intervencii za 1924–1926 gg. [Correspondence with the County Police Departments on the Conduct of a Campaign to Select Claims of Victims of the Intervention for 1924–1926]. *Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti* [State Archive of the Voronezh Region], f. R-5, inv. 2, d. 120. 146 l.

18. Prikazy gubernskih, oblastnyh i respublikanskih upravlenij milicii za 1923 g. II chast. Kopii [Orders of Provincial, Regional, and Republican Administrations of the Militia for 1923. 2nd Part. Copies]. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation], f. R-393, inv. 23a, d. 438. 777 l.

19. Prikazy nach. milicii Usmanskogo uезда po osnovnoj deyatelnosti i lichnomu sostavu za 1924–1925 gg. Kopii [Orders of the Chief of the Usman District Militia on Main Activities and Personnel for 1924–1925. Copies]. *Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti* [State Archive of the Voronezh Region], f. R-5, inv. 2, d. 36. 82 l.

20. Prikazy nachalnika ugolovnogogo rozyska RSFSR [Orders of the Chief of the Criminal Investigation Department of the RSFSR]. *Gosudarstvennyj arhiv Lipeckoj oblasti* [State Archive of the Lipetsk Region], f. R-72, inv. 1, d. 4. 32 l.

21. Prikazy po administrativnomu otdelu Tambovskogo gubispolkoma o lichnom sostave [Orders on the Administrative Department of the Tambov Gubernatorial Executive Committee on Personnel]. *Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti* [State Archive of the Tambov Region], f. R-395, inv. 2, d. 27. 302 l.

22. Protokol obyedinyonnogo soveshchaniya zaveduyushchego uездnym otdelom upravleniya sovместno s nachalnikami umilicii i ugrozyska ot 29.03.23, smeta raskhodov otdeleniya [Minutes of the Joint Meeting of the Head of the County Department of the Department Together with the Heads of the Police Department and the Criminal Investigation Department Dated Mar. 29, 1923, Cost Estimates of the Department]. *Gosudarstvennyj arhiv Lipeckoj oblasti* [State Archive of the Lipetsk Region], f. R-72, inv. 1, d. 7. 61 l.

23. Protokoly gubernskih soveshchaniy po borbe s prestupnostyu pri Voronezhskom gubprokurore [Minutes of Provincial Meetings on Combating Crime at the Voronezh Provincial Prosecutor]. *Gosudarstvennyj arhiv obshchestvenno-politicheskoj istorii Voronezhskoj oblasti* [State Archive of Socio-Political History of the Voronezh Region], f. 1, inv. 1, d. 1979. 52 l.

24. Protokoly zasedaniy gubernskoj raspredelitelnoj komissii o dosrochnom osvobozhdenii zaklyuchennyh Korotoyakskogo i Bobrovskogo doma zaklyucheniya

i dokumenty k nim za 1925 god [Minutes of Meetings of the Provincial Distribution Commission on the Early Release of Prisoners of the Korotoyak and Bobrovsky Houses of Detention and Their Documents for 1925]. *Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti* [State Archive of the Voronezh Region], f. R-5, inv. 2, d. 216. 216 l.

25. Protokoly zasedaniy gubernskoj raspredelitelnoj komissii o zachete rabochih dnei zaklyuchennym gubernskogo, Bogucharskogo, Korotoyakskogo domov zaklyucheniya i dokumenty k nim za 1925 g. [Minutes of Meetings of the Provincial Distribution Commission on the Offset of Working Days for Prisoners of the Provincial, Bogucharsky, Korotoyaksky Houses of Detention and Documents to Them for 1925]. *Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti* [State Archive of the Voronezh Region], f. R-5, inv. 2, d. 217. 197 l.

26. Protokoly kvartalnyh soveshchaniy rabotnikov administrativnogo otdela i nachalnikov uездnyh milicij i materialy k nim [Minutes of Quarterly Meetings of Employees of the Administrative Department and Heads of County Police and Materials to Them]. *Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti* [State Archive of the Voronezh Region], f. R-5, inv. 1, d. 25. 244 l.

27. Protokoly soveshchaniy rabotnikov admotdela, nachalnikov milicii i ugolovnogogo rozyska [Minutes of Meetings of Administrative Department Employees, Heads of Police and Criminal Investigation Department]. *Gosudarstvennyj arhiv obshchestvenno-politicheskoj istorii Voronezhskoj oblasti* [State Archive of Socio-Political History of the Voronezh Region], f. 1, inv. 1, d. 1576. 55 l.

28. Rasskazov V.L. *Ugolovnyy sysk na Kubani: vtoraya polovina XIX v. – 1917 g.: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal Investigation in Kuban: Second Half of the 19th Century – 1917. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Saratov, 2016. 27 p.

29. *Sbornik vazhnejshih postanovlenij sessij, plenimov i prezidiuma Voronezhskogo Gubernskogo ispolnitelnogo komiteta XII sozyva* [Collection of the Most Important Resolutions of Sessions, Plenums and the Presidium of the Voronezh Provincial Executive Committee of the 12th Convocation]. Voronezh, Gubispolkom, 1925. 117 p.

30. Svedeniya ob izmeneniyah v lichnom sostave gubrozyska. Perepiska s raznymi organizaciyami po komplektovaniyu UGRO [Information About Changes in the Personnel of the Gubernia Investigation Department. Correspondence with Various Organizations on Staffing the Criminal Investigation Department]. *Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti* [State Archive of the Kursk Region], f. R-9, inv. 1, d. 27. 177 l.

31. Svodki gubernskogo administrativnogo otdela o proisshestviyah v gubernii. Analiz raboty i

borby organov milicii s prestupnostyu [Reports of the Provincial Administrative Department on Incidents in the Province. Analysis of the Work and Struggle of the Police Against Crime]. *Gosudarstvennyj arhiv socialno-politicheskoj istorii Tambovskoj oblasti* [State Archive of Socio-Political History of the Tambov Region], f. P-840, inv. 1, d. 3472. 3321.

32. Svodki proisshestvij po g. Voronezhu, perepiska nachalnika Gubrozyska s miliciej, gubprokurorom i dr. po rozyску grazhdan [Summaries of Incidents in Voronezh, Correspondence of the Head of the Gubernatorial Search with the Police, Gubpukuror, etc. on the Search for Citizens]. *Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti* [State Archive of the Voronezh Region], f. R-5, inv. 1, d. 21. 4241.

33. Tokmakov I.V. *Stanovlenie i deyatelnost organov sovetsoj milicii 1917–1930 godov: na materialah Centralnogo Chernozemya: dis. ... kand. ist. nauk* [Formation and Activity of the Soviet Militia Bodies of 1917–1930: Based on the Materials of the

Central Chernozem Region. Cand. hist. sci. diss.]. Kursk, 2003. 195 p.

34. Cirkulyary Centralnogo Administrativnogo Upravleniya NKVD, Voronezhskogo gubadmotdela i protokoly obyedinyonnyh soveshchanij predstavitelej OGPU, Prokuratury, Admotdela i Gubrozyska po borbe s banditizmom v gubernii [Circulars of the Central Administrative Department of the NKVD, the Voronezh Provincial Administrative Department, and Minutes of Joint Meetings of Representatives of the OGPU, the Prosecutor's Office, the Administrative Department, and the Provincial Investigation Department on Combating Banditry in the Province]. *Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti* [State Archive of the Voronezh Region], f. R-5, inv. 1, d. 2. 1701.

35. Shchendrigin E.N., Bulyzhkin A.V. *Orlovskaya miliciya (1917–1928 gg.): istoriko-pravovoj ocherk [Orel Militia (1917–1928). Historical and Legal Essay]*. Orel, Trud Publ., 2003. 198 p.

Information About the Author

Evgeniy A. Zverkov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Social, Humanitarian, Economical and Law Disciplines, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Prosp. Patriotov, 53, 394065 Voronezh, Russian Federation, ZverkovPhD@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1828-4457>

Информация об авторе

Евгений Андреевич Зверков, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин, Воронежский институт МВД России, просп. Патриотов, 53, 394065 г. Воронеж, Российская Федерация, ZverkovPhD@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1828-4457>